

ТКАНЬ ИСТОРИИ HUBLOT СПРАВИЛИ СЕБЕ ЧАСЫ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Виновники торжества: Рикардо Гвадалупе, Лапо Элканн, Лука и Мариано Рубиначчи

— Как? Ты еще не заказал пиджак у Рубиначчи? — возмущается Лапо Элканн. — Да времени все нет, — виновато отвечает генеральный директор Hublot Рикардо Гвадалупе. — Часы, понимаешь, делаем. Но у меня уже есть их галстук!

Подождите, я объясню. Новые Classic Fusion Italia Independent созданы швейцарскими часовщиками Hublot в сотрудничестве с Italia Independent Лапо Элканна и знаменитыми итальянскими портными, семьей Рубиначчи.

Всему миру известно, что лучшие, самые стильные, костюмы шьют в Италии. В Италии все знают, что лучшие портные — в Неаполе. В Неаполе все скажут вам, что нужно идти к Рубиначчи.

Я говорю с Мариано Рубиначчи, это он превратил семейное дело во всеитальянскую мечту. Его отца Дженарио, знаменитого неаполитанского денди, друзья умоляли сводить их к портному и помочь советом. Он служил офицером и слыл, как бы мы сейчас сказали, знаменитым на весь город стилистом. В то время Неаполь был богаче и явно веселее Рима, это было королевство под южным солнцем, гавань, в которую заходили большие корабли из-за океана, привозившие тончайшие ткани со всего мира.

Дженарио Рубиначчи начал свое дело, основав в Неаполе портновский «Лондонский дом». Почему «лондонский»? Да потому что в то время не было принято светить своей фамилией на вывесках. Лондон он любил, но никогда там не был, да и к чему это сыну Неаполя? Он рано умер, и за семейное дело взялся Мариано. Ему было всего 18 лет. Теперь много лет спустя делами Рубиначчи начинает управлять сын Мариано — Лука. Он работает в Милане. Так Рубиначчи поделили Италию, сын взял север, отец оставил себе юг.

Мы привыкли оценивать вещи по крою, но крой начинается с ткани, с которой можно спорить, к которой можно не прислушиваться и строчить свое, но которой можно дать цвет и голос. Не зря семья Рубиначчи оказалась связана делами с семьей Лоро Пьяна, и лучшие ткани знаменитого итальянского производителя ложились в основу знаменитого итальянского пиджака, облегающего тело, по выражению Мариано Рубиначчи, «как вторая кожа». — Когда говорят о знаменитых портных, — пожимает плечами Лапо Элканн, — вспоминают прежде всего британцев с Сэвил-Роу. Да, они мастера в твиде, но в остальном мы на голову их выше. Английский крой более военный, более строгий и не такой свободный, щедрый, радостный, как итальянский.

Над магазином Рубиначчи сидят портные и швеи. Здесь свистят ножницы и шипят утюги. Строчат машинки, но очень многое шьют от руки. Я присутствую при кощунственной раскройке нескольких драгоценных каре Hermes, из которых — по особому заказу — здесь делают шелковую подкладку: целые волшебные картины, увидеть которые можно, только распахнув пиджак.

Молодой Лука Рубиначчи говорит, что Лапо шьет у них костюмы вот уже десять лет. На десятый год он предложил Hublot сделать в честь Рубиначчи в частности и итальянской моды в целом часы на основе редких костюмных тканей. Это особая история.

В подвале своего неаполитанского дома папа Рубиначчи показывает мне огромный банковский сейф. Бронированная дверь закрывает вход в комнату, где лежат главные сокровища семьи. И это, конечно, никакие не золотые слитки, а ткани — других таких больше нет на свете.

Я делюсь с Лукой своим восхищением.

— Дед и отец заказывали ткани с большим запасом, — говорит он мне. — Таких нет ни у кого. От многих тканей у нас оставалось полтора-два метра, костюм не шить, а для часов оказалось в самый раз. Я был удивлен не только тем, как мастерски Hublot поставили нашу ткань на ремешок, это я еще могу понять. Настоящим волшебством стало то, что они превратили ткань в основу циферблата.

Способ превращения мягкой ткани в твердый материал технологи Hublot придумали для швейцарских кружев. На сей раз они проделали то же самое